

Сердце раба

1931, источник: [здесь](#). 11 января, 2022.

– Мои предки были рабами! – с гордостью сказал мне однажды Пэн.

У меня много друзей, и все они, рассказывая о своих предках, самодовольно заявляют: «Мои предки имели рабов!» Многие из друзей и поныне владеют рабами, у некоторых, правда, рабов совсем мало, а то и вообще нет; поэтому в разговорах друзья нет-нет да и вспомнят с горечью былые деньки.

А я сам? Как подсказывает мне память, у моего прадеда было четыре раба, у деда – восемь, у отца – шестнадцать. Эти шестнадцать рабов принадлежали мне. Самодовольство распирало меня: я рабовладелец. Но мало того, я намерен был вдвое увеличить количество рабов.

И вот в моей жизни появился Пэн: он спокойно, без тени стыда, даже с гордостью заявил, что его предки были рабами. Мне казалось: он сошел с ума.

Я не знал его прошлого, но он был моим приятелем. Я познакомился с ним так же, как с остальными друзьями, совершенно случайно. Он случайно вторгся в мою жизнь.

Вот как было дело: однажды после полудня я возвращался из университета. Я брел по мостовой, погруженный в свои мысли. Сзади меня нагоняла машина, шофер непрерывно сигналил, но я не слышал. Еще момент, и все было бы кончено, но внезапно чья-то железная рука схватила меня и отбросила в сторону. Придя в себя, я оглянулся и увидел худощавого юношу с совершенно бесстрастным лицом. Я сердечно поблагодарил его. Не отвечая, даже не улыбнувшись, он только раз-другой смерил меня холодным взглядом. Но что это был за взгляд! Затем словно про себя сказал:

– В следующий раз будьте повнимательнее, – и ушел с высоко поднятой головой.

Так состоялось наше знакомство.

Мы учились в университете на разных факультетах: я изучал литературу, он – общественные науки. Мы слушали лекции в разных аудиториях, но виделись часто и каждый раз при встрече перебрасывались двумя-тремя фразами или проходили мимо, обменявшись равнодушными взглядами. Но в конце концов мы стали приятелями. Наши разговоры всегда были лаконичны, но мы никогда не говорили друг другу банальностей, вроде: «Какая хорошая погода». Слова, которыми мы обменивались, были отточены, как бритва.

Нас как будто связывала крепкая дружба, но я недолюбливал Пэна. Я подружился с ним, движимый чувством признательности и любопытства. Возможно, я уважал его, но питал к

нему глубокую антипатию. В выражении его лица, в его речи, в манере держаться не хватало теплоты. Где бы он ни был, он всегда казался холодным и бесчувственным. Мне ничего не было о нем известно: он никогда не рассказывал о себе. Впрочем, судя по его жизни в университете, можно было заключить, что он из небогатой семьи. Не в пример многим студентам, он отличался бережливостью, не носил европейского костюма, не ходил в кино и на танцы. В свободное от лекций время либо читал, либо в одиночестве прогуливался по площадке или около университета. Он никогда не улыбался и постоянно пребывал в глубокой задумчивости.

Да, он постоянно о чем-то думал. За три года, что мы проучились вместе, я убедился в этом.

Однажды я не удержался и спросил:

- О чем ты думаешь целыми днями, Пэн?

- Ты не поймешь, - бесстрастно и холодно ответил он и, повернувшись, ушел.

Он был прав: я действительно не понимал, почему человек в его возрасте должен быть таким мрачным, непохожим на других; почему должен отказываться от всех удовольствий и замыкаться в себе, - этого я не мог постичь. И именно потому, что это казалось мне странным, я еще больше стремился разобраться во всем. Теперь я стал внимательнее следить за поведением Пэна, интересоваться книгами, которые он читал, присматриваться к людям, с которыми он встречался.

Друзей у него, кроме меня, почти не было. Разумеется, он был знаком кое с кем, но никогда ни с кем не сближался и не заводил друзей. Разговаривая, не менял выражения лица. И хотя мы с ним были давно знакомы, относился ко мне холодно. Видимо, из-за этого он и не нравился мне.

Ознакомившись с книгами, которые он читал, я понял, что читает он совершенно бессистемно, авторов многих книг я вообще не знал. Этих книг никто не спрашивал, они годами лежали на полках библиотеки. Пэн глотал все подряд: сегодня - романы, завтра - философские трактаты, потом переходил к истории. Откровенно говоря, понять его, судя по той литературе, которую он читал, было тоже нелегко: я не мог знать содержания книг, не прочитав их от корки до корки.

Однажды вечером Пэн неожиданно зашел ко мне. Мы не виделись более двух недель. В том семестре я жил вне университета, снимал поблизости удобную комнату; она находилась в верхнем этаже, и из окна ее открывался вид на университет, расположенную перед ним улицу и недавно сооруженную площадку для гольфа.

Войдя в комнату, Пэн бесцеремонно опустил на белоснежное покрывало софы и стряхнул пыль со своего старого поношенного халата. Некоторое время он молчал. Я сидел за столом и читал. Поднял голову, взглянул на него и опять уткнулся в книгу. И все же меня не покидала мысль, что на моей чистой софе сидит Пэн в старом халате.

- Ты не знаешь, Чжэн, сколько сейчас в Китае рабов? – спросил он вдруг своим обычным глухим голосом.

- Несколько миллионов, – ляпнул я, не задумываясь. Я не знал, верна ли эта цифра, но на днях слышал ее от одного приятеля. Меня этот вопрос никогда не интересовал.

- Несколько миллионов? Нет, десятки миллионов! – В его голосе зазвучала горечь. – Если понимать слово «рабство» шире, то, пожалуй, больше половины китайского народа – рабы.

«Как бы то ни было, сам я не раб, – подумал я с удовлетворением и взглянул на Пэна. – Почему он такой грустный?»

- А у тебя есть рабы? – спросил он вдруг без обиняков.

Я подумал: «Если он презирает меня за то, что у меня нет рабов, он ошибается – ведь у меня их шестнадцать». На губах моих заиграла самодовольная улыбка, и я гордо ответил:

- Разумеется, есть. Целых шестнадцать!

Он холодно усмехнулся. Брошенный на меня взгляд не выражал ни уважения, ни восхищения, одно лишь презрение. Он выказал пренебрежение к человеку, владеющему шестнадцатью рабами. Мыслимо ли это? Я глазам своим не верил, не понимал – почему? Я стал над этим размышлять. Внезапно меня осенило: возможно, он ведет себя так странно из зависти, ибо, судя по его достаткам, у него, конечно, нет рабов. И тогда я спросил его с участием:

- У вас в семье, наверное, не было рабов?

Он снова посмотрел на меня. На этот раз его взгляд был преисполнен гордости.

- Мои предки сами были рабами! – сказал он с достоинством. Он произнес это без малейшего стыда, словно говорил о своих заслугах.

Я пришел в еще большее изумление:

- Не может быть! Зачем ты скромничаешь? Ведь мы с тобой друзья.

- К чему мне скромничать, – удивился он, будто я произнес что-то необычное.

- Но ведь ты ясно сказал, что твои предки были рабами, – пояснил я.

- Мои предки в самом деле были рабами.

- Однако ты учишься в университете... – Я все еще отказывался верить его словам.

- Ты хочешь сказать, что потомки рабов не должны учиться в университете? – спросил он вызывающе. – Так ведь и твои предки вряд ли были свободными.

Я подскочил, схватившись руками за голову, словно меня ударили плетью. Мне было нанесено смертельное оскорбление. Я подошел к Пэну и бросил на него гневный взгляд:

- Ты думаешь, у меня предки такие же, как у тебя? Нет. Тысячу раз нет! Говорю тебе: у моего отца шестнадцать рабов, у деда было восемь, у прадеда - четыре. У моих древних предков тоже были рабы.

Откровенно говоря, я точно ничего не знал. Возможно, прадед мой был мелким торговцем и не имел рабов; может быть, сам он был дальним потомком раба. Но в мечтах своих я постоянно видел его сановником, владеющим прекрасным дворцом, наложницами и сотнями рабов.

Иногда я говорил:

- Мой прапрадед был сановником!

И вдруг Пэн осмелился так оскорбить меня, заявить, будто я - потомок раба. Ни разу в жизни я не терпел подобной обиды. И не потерплю! Я отомщу! Я бросил на Пэна взор, полный негодования. Наши взгляды скрестились, и вдруг, к удивлению своему, я почувствовал, как под его холодным ненавидящим взглядом постепенно улетучилось мое возбуждение. Ко мне вернулось спокойствие. Я подумал, что нужно быть с ним повежливее: ведь он спас меня. И я вернулся на свое место.

- Да, я верю тебе, - голос его был тверд. - такие, как ты, безусловно являются выходцами из рабовладельческой семьи, а такие, как я, - нет. Именно поэтому я горжусь собой. - В его словах звучала явная насмешка.

Я был уверен, что он ослеплен завистью, и рассмеялся. На его лице появилось выражение гнева. Он взмахнул рукой так, словно хотел, чтобы я исчез с его глаз.

- Ты смеешься? Да, я горжусь своим происхождением, чувства рабов близки мне... Но тебе не понять этого. Что можешь знать ты, предающийся сладостным снам под теплым одеялом в роскошном доме?... Как страстно желал бы я, чтобы раскрылись глаза у таких людей, как ты... Да, я потомок рабов! И не собираюсь скрывать этого. Могу во всеуслышание заявить, что я потомок рабов. Мои родители были рабами, мой дед был рабом, и мой прадед был рабом. Вряд ли в роду у нас найдется человек, который не был бы рабом.

Я подумал: он явно не в себе, и лучше всего под каким-нибудь предлогом выпроводить его, чтобы не натворил беды. Но тут он снова заговорил:

- Да, у тебя шестнадцать рабов. Ты доволен, весел, горд. Но известно ли тебе, как живут твои рабы? Знаешь ли ты вообще историю жизни хоть одного, да, хотя бы одного раба?... Нет, ты не можешь знать! Ладно, я расскажу тебе...

Мой дед был очень преданным рабом. Я не встречал людей более преданных, чем он. Чуть не полвека, не покладая рук, трудился он на своего господина. Сын раба, он с самого детства был рабом. Я помню его только седым. Тогда мы жили в лачуге около господского

дома – отец, мать, дед и я. Однако мать редко спала в нашей каморке: она должна была прислуживать наверху госпоже и ее дочери. Я часто слышал, как господин и его сын ругали моего деда, а он, красный, с опущенной головой, непрерывно повторял: «Да, слушаюсь...» – и работал еще усерднее. Зимой, когда ветер сотрясал крышу нашей жалкой лачуги и холод проникал во все щели – я, отец и дед от холода не могли заснуть под ветхим одеялом на жесткой кровати. Мы собирали сучья, листья и сухую траву, разжигали на земляном полу костер и грелись, усевшись на корточки. Тогда дед садился на своего конька и во всех подробностях рассказывал случаи из своей жизни, а затем начинались его поучения о том, что я должен стать настоящим, честным человеком и так же преданно, как он, служить господину, ибо добро всегда будет вознаграждено. Отец разговорчивостью не отличался. Когда заканчивались поучения деда, костер уже угасал, да и время было позднее. Мы ложились втроем на одну кровать и, обняв друг друга, мерзли всю ночь. Наконец пришло «вознаграждение», о котором говорил дед. Однажды ранним утром он исчез. Его нашли повесившимся на суку ясеня в господском саду. Я не видел его лица после смерти: мать не разрешила мне взглянуть, деда поспешно готовили к погребению. Он лежал на топчане, верхняя часть тела была прикрыта рогожей, и я увидел большие грязные ноги. С тех пор дед исчез из моей жизни. Никогда больше я его не видел. Почему он повесился? Говорили, причина очень проста. За день до его смерти господин обнаружил, что у него пропала ценная вещь, и сказал, что наверняка ее стащил дед и продал. Дед оправдывался, уверяя, что всегда был очень предан господину и не посмел бы украсть. В ответ господин надавал деду пощечин, обругал и потребовал, чтобы он возместил пропажу. Деду было очень стыдно: он чувствовал, что господин не простит его, что он не вернет доверия господина и никогда не сможет отблагодарить его за доброту. Горе его было беспредельно. Вдобавок ко всему, будучи рабом, он не имел никаких сбережений и не мог выплатить требуемую сумму. И вот после пятидесяти лет верной службы он удавился на ремне, перекинув его через сук ясеня. Таково было «вознаграждение», в которое верил дед. Дворня жалела его, но все считали деда повинным в краже. Я оказался не только потомком рабов, но и внуком вора. Но я не верил, что дедушка вор. Я знал: он не мог этого сделать, он был честным. Как всегда по вечерам, отец обнимал меня и тут же засыпал, измученный за день работой. Тогда я вспоминал своего милого дедушку. Я не мог заснуть. Мысленно я видел его доброе лицо. Слезы застилали мне глаза. Однажды мне показалось, что я лежу в объятиях деда. Крепко обняв его, я взволнованно сказал: «Дедушка, я знаю, ты не мог украсть. Я в этом уверен!» «Ню-эр, что ты говоришь?» – раздался голос отца. (Я родился под знаком быка, поэтому в детском возрасте меня называли Ню-эр.) Я протер глаза. Образ деда исчез, рядом со мной лежал отец. Я громко заплакал. Теперь и отец не мог заснуть. Он понял мое горе и тоже всплакнул. «Ню-эр, ты прав, – утешал он меня, – наш дед не обокрал господина. Я знаю, кто стащил ту вещь». Я начал тормошить отца, взволнованно упрашивать: «Скажи кто. Скажи! Ты знаешь. Ты должен сказать мне». Отец, по-видимому, был в затруднении. Он помедлил, сквозь слезы поглядел на меня и, вздохнув, горько произнес: «Поклянись, что никому не расскажешь». Я поклялся. И хотя клятва ребенка ненадежна, он поверил мне. «Вещь украл сын нашего господина, – печальным голосом произнес отец. – Дед тоже об этом знал. Только сказать не смел. И решил расстаться с жизнью. Теперь деда нет и рассказывать правду бесполезно: кто поверит?...»

Лицо Пэна выражало страдание. Помолчав, он горько усмехнулся и добавил:

– Может, отец говорил другими словами, но смысл их я хорошо запомнил. Поверь, я не придумываю.

Я молча кивнул головой. Он продолжал:

– Хотя мне были непонятны доводы отца, но я поверил ему и больше не расспрашивал. Я только вспоминал своего деда и оплакивал его. Но были живы отец и мать. Я любил их, они любили меня. После смерти деда лицо отца всегда было печальным, я редко видел его улыбающимся. Однажды вечером – это было зимой – мы с отцом грелись дома у огня. Вдруг на улице раздался шум: кто-то громко взывал о помощи и стонал. Я испугался, торопливо укрылся в объятиях отца, крепко обхватив его за шею. Отец ласково шептал мне на ухо: «Ничего не бойся! С тобой папа». Потом на улице все смолкло. Вскоре кто-то кликнул отца и сказал, что его требует господин. Отец ушел и долго не возвращался. Я сидел дома один и сильно трусил. Наконец отец вернулся вместе с матерью. У обоих были заплаканные лица. Обняв меня, отец долго плакал, и мне пришлось несколько раз окликнуть его. Он заговорил с матерью о чем-то печальном. Я уже не помню, о чем шел разговор, – смысл некоторых слов я тогда еще не понимал. В памяти остались лишь фразы: «Мне лучше умереть. Какая польза от моей жизни? Мы рабы нашего господина. Мы должны ему повиноваться... У нас могут родиться еще дети, у детей появятся внуки, но все они будут рабами, и ни один не избежит рабской доли. Стоит ли жить для того, чтобы сын стал рабом, чтобы продолжался рабский род? Нет, лучше я продам свою жизнь господину. Тогда Нью-эр сможет учиться и стать человеком...»

Глаза Пэна покраснели. Помолчав, он снова продолжал: – Голос отца до сих пор отчетливо звучит в моих ушах, я буду помнить его всю жизнь. Я невольно приукрасил его слова, специально для тебя, но если бы даже я не сделал этого, ты мог бы почувствовать горячее сердце моего отца... Мать не ответила. Обняв отца, она горько плакала и причитала: «Зачем ты покидаешь меня?» Я не понимал, почему родители так убиваются, но тоже плакал. На следующее утро, когда мы еще спали, за отцом пришли. Мать, уцепившись за его рукава, плакала. Глядя на мать, я тоже плакал и хватался за отца. Нам сказали, что отец прошлой ночью убил человека. Я не поверил: ведь прошлой ночью он вместе со мной грелся у огня. Когда на улице поднялся шум, я сидел у отца на коленях, он был со мной и потому не мог убить на улице человека. Теперь мать казалась безучастной ко всему. Уронив голову, она молчала, позволив увести отца. Я был очень возбужден. Схватив отца за рукав, я хотел спросить его обо всем, но не успел произнести и слова, как меня отшвырнули, а отца увели. С тех пор из моей жизни исчез и отец. Я уже никогда его не увижу. Говорили, что через несколько месяцев он умер в тюрьме. Мать больше не работала в господском доме. Мы переехали в лучшее помещение, а я получил возможность учиться. Конечно, наши расходы оплачивались господином. Он купил жизнь моего отца: отец умер вместо его сына (впоследствии я узнал, что убийство совершил сын господина). Господин не нарушил обещания... Но ты думаешь, я признателен ему? Нет, я его ненавижу, ненавижу его сына. Они мои враги. Они погубили моего деда и отца. И все же я должен пользоваться их деньгами: за них заплатил жизнью отец. Он пожертвовал своей жизнью, чтобы я мог учиться в университете. Отец достиг своей цели. Как бы то ни было, на мне должен прекратиться род рабов.

Пэн замолчал. Искраженное гримасой лицо его выражало гнев и в то же время покорность. Он до крови закусил губу, желая, видимо, совладать с собой. Мне казалось, что он что-то скрывает. Его рассказ несколько тронул меня, но я не выдержал и окинул его острым, испытующим взглядом, словно спрашивая: «Какую же тайну ты скрываешь?»

Пэн, видимо, понял мою мысль и вдруг побагровел то ли от стыда, то ли от гнева. Он поднялся, прошелся по комнате и снова сел.

– Да, я не все рассказал, – продолжал он. – Но сейчас доскажу. Однажды, вернувшись из школы раньше обычного, я увидел, что мать с каким-то мужчиной сидят на кровати. Они не заметили меня. Спрятавшись за дверь, я принялся за ними наблюдать. Стыд и гнев распирала мне грудь. «Я учусь в школе, стараюсь добросовестно заниматься, а мать забавляется дома с мужчиной!» – эта мысль больно ранила мне сердце. Но я любил мать и не хотел оскорблять ее при чужом человеке. К тому же я его узнал: это был сын нашего господина. Именно он! Это он погубил моего дедушку, моего отца, а сейчас пришел погубить мою мать. В глазах у меня потемнело от гнева. Я, кажется, успел услышать, как мать шепнула ему: «Уходите скорей, а то вернется Нью-эр». Сын господина что-то ответил, и мать продолжала: «Прошу вас, не приходите часто, а то столкнетесь с ним. Пожалейте меня!» Когда я очнулся, в комнате осталась одна мать. Она задумчиво сидела с поникшей головой на краю кровати. Вбежав в комнату, я бросился к матери и уткнулся ей в колени. Она вздрогнула, лицо ее залилось краской. Она испуганно спросила: «Это ты?» Я крепко обнял ее и стал укорять: «Мама, как тебе не стыдно! Не прошло и года после смерти отца, а ты проводишь время с другим!» Она молчала, но я чувствовал, как задрожала ее рука, лежавшая на моей голове. «Я учусь, а ты чем занимаешься?! И не стыдно тебе, мама!» – «Нью-эр!» – воскликнула мать и, упав на кровать, забилась в рыданиях. Слезы матери смягчили меня. Я вспомнил, как она меня любит, как жалеет, как каждый вечер вместе со мной повторяет уроки, как подбадривает меня. И я виновато сказал ей: «Мама, я не прав. Я не должен был причинять тебе боль. Прости меня». Она не двигалась. Только через несколько мгновений подняла голову и, обняв меня, печально промолвила: «Нет, ты прав, Нью-эр. Это я должна просить у тебя прощения. После смерти отца в моем сердце остался только ты, и живу я только ради тебя. Если бы не было тебя, я предпочла бы умереть вместе с твоим отцом. Разве ты не помнишь, что говорил отец перед смертью? Он сказал, что ты не должен быть рабом, что ты должен учиться и стать человеком. Он пожертвовал своей жизнью, а разве я не могу пожертвовать своим телом? Не знаю, то ли желая оскорбить отца, то ли по какой-нибудь другой причине сын господина вечно приставал ко мне. Говоря по совести, когда я работала в господском доме, я все время старалась избегать его и осталась чиста душой и телом. Но теперь, после того как твой отец умер и мы переехали сюда, он стал приходить ко мне. Конечно, я понимаю, что для него я только забава. Но что поделаешь – я хороша собой. Теперь мы не работаем на них, но живем на их деньги. Ты должен учиться, и тебе тоже нужны их деньги. Я вынуждена уступать ему. Он приходил сюда уже много раз... Сынок, прости меня! Для того, чтобы ты учился, чтобы не был больше рабом, твоя мать не пожалела себя». Конечно, и мать тогда говорила не так, и мои слова были иными. Я помню только смысл нашего разговора. Я крепко обнял ее; я почувствовал, что люблю ее, люблю еще сильнее, чем прежде. Охваченный чувством жалости, я умолял ее: «Мама, ты так мучаешься. Я брошу учебу. Не хочу, чтобы ты страдала. Лучше я останусь рабом». Она поспешно прикрыла мне рот рукой: «Не болтай глупостей! Ты должен учиться,

должен стать человеком. Тело твоей матери уже осквернено. Чтобы ты учился, твоя мать согласна страдать всю жизнь». Плача, она весь вечер уговаривала меня, и в конце концов я внял ее мольбам. На следующее утро я, как обычно, пошел в школу и больше не заводил таких разговоров. Я был прилежным и жадно впитывал в себя знания. Я верил, что они откроют мне путь в землю обетованную. Я решил во что бы то ни стало выполнить волю отца, желавшего, чтобы в нашем роду не было больше рабов. Но горькая действительность давила тяжелым бременем, а призрак прошлого когтями впивался в сердце. Жизнь мучительна, в особенности для человека, который напрягает все силы, чтобы выкарабкаться из рабского положения. И все же в моем сердце жила надежда, я любил мать и помнил ее желание. Это побуждало меня терпеть все. Сын господина приходил часто, даже при мне. Мать его принимала. Я смертельно его ненавижу, но ничем не выказывал своей ненависти. После его ухода мать становилась другой. Не переставала плакать, и стоило немалых усилий ее успокоить. Мать не выдержала бы долго такой жизни. Но, к счастью, через четыре-пять месяцев сын господина взял себе молодую наложницу и перестал к нам ходить. Несколько лет, до самого моего отъезда, мы жили спокойно. Перед смертью мать очень страдала. Ее, видимо, мучила мысль, что она не доживет до моего окончания университета, и еще воспоминания о принесенной ею жертве. Чем я мог ее утешить? Я только рыдал у нее на груди. Прошло три года, как умерла мать. Я постоянно вспоминаю о ней, все время вижу перед собой деда и отца. Часто думаю об их жалком существовании и горжусь ими. Мой дед был рабом, и я горжусь этим, мне ни капли не стыдно! И хотя дед повесился, ложно обвиненный в краже, а отец, вместо преступника пошел в тюрьму и там умер, мать была опозорена, – никто не может обвинить их в непорядочности. Разве загубили они кого-нибудь?... – Пэн едва не кричал: – Да, ты можешь смеяться над ними, можешь их презирать. Если бы ты знал их сердца! Их золотые сердца, которые не найти у людей, подобных вам! Часто до глубокой ночи я не могу сомкнуть глаз. Я думаю о них. Одна мысль гложет меня. Я нежусь в постели, а где-то еще миллионы рабов оплакивают свою несчастную долю; они живут такой же жизнью, как жил мой дед, так же сильно страдают. Сейчас, когда господа находятся в объятиях сна, одни рабы, ложно обвиненные в краже, ждут утра, чтобы повеситься; других принудили понести наказание за господ, и они ждут, когда их поведут в тюрьму; их дочери спят в объятиях господ; дети горько плачут, в последний раз обнимая отцов. В такие минуты сердце мое наполняется беспредельной ненавистью. Я проклинаю вас, проклинаю людей, подобных тебе! Я готов истребить вас всех до единого! Вы загубили моего деда, купили жизнь моего отца, надругались над моей матерью. Они давно мертвы, а вы все еще живете. Я должен отомстить вам...

Вид его был ужасен. Он встал, подошел ко мне. В страхе я готов был кричать и приготовился защищаться. Но он прошел к окну и стал смотреть на улицу. Внезапно, указывая на что-то пальцем, он гневно сказал:

– Смотри!

Взглянув в указанном направлении, я увидел площадку для гольфа, залитую электрическим светом; несколько служителей прохаживались у входа, а полуобнаженная девушка-иностранка продавала билеты. Разодетые молодые люди и девушки с праздным видом направлялись ко входу.

– Мы трудимся в поте лица. Вешаемся, умираем в тюрьмах, наши женщины терпят надругательства, наши дети горько плачут. А эти? Ни у одного из них нет совести!

Слушая его гневный голос, я вдруг прозрел. Воображение нарисовало мне множество трагических картин. А я еще хотел удвоить количество своих рабов. «Шестнадцать и тридцать два» – эти две цифры неотступно стояли перед моими глазами. Мне вдруг показалось, будто это я – сын господина, будто это я ложно обвинил чужого деда, загубил чужого отца, надругался над чужой матерью. Ужас охватил меня. Мне показалось, будто пришел час возмездия, и я закричал в страхе.

– Что с тобой, Чжэн? Почему ты кричишь? – спросил Пэн мягко.

Я долго не мог произнести ни слова, только протирал глаза.

– Ты меня боишься? Но ты ведь знаешь, что я не могу причинить тебе вреда, – сказал он, усмехнувшись.

Я успокоился и пристально поглядел ему в лицо: в нем не было злобы.

– Пэн, – спросил я с удивлением. – Зачем ты спас мне тогда жизнь? Я ведь тоже рабовладелец и, стало быть, твой враг. Что же ты не дал машине задавить меня?

Он долго молчал. Затем улыбнулся и с горечью произнес:

– Возможно, во мне все еще бьется сердце раба.

Я был тронут и молча смотрел на него, еле сдерживая слезы.

Решив, что я его не понял, он пояснил:

– Навсегда отказаться от собственного счастья и строить счастье для других, добровольно, без малейшего сожаления жертвовать ради других собственной жизнью – вот как поступает человек с сердцем раба. Это сердце прадед мой передал моему деду, дед – отцу, отец – мне.

Он показал рукой на грудь. Я взглянул, и мне показалось, будто я вижу большое алое сердце. Я опустил голову и взглянул на собственную грудь под красивой фланелевой пижамой.

– Это сердце раба... Когда только я избавлюсь от рабской психологии? – В словах его слышалось отчаяние.

Я зажал уши. Пожалуй, у меня вообще не было сердца, даже сердца раба! Стыд, страх, печаль, смятение охватили меня.

Я даже не заметил, когда ушел Пэн.

